

полития

В.П.Любин

О НЕГОТОВНОСТИ ПОСТИМПЕРСКОГО ОБЩЕСТВА К ДЕМОКРАТИИ

Винклер Г.А. Веймар 1918—1933: История первой немецкой демократии / Пер. с нем. Е.Е.Земсковой, А.И.Савина. — М.: РОССПЭН, 2013. — 878 с.

Ключевые слова: Германия, национальное государство, демократия, Веймарская республика

Давно ведущаяся в России дискуссия о неготовности постимперского общества к демократии, можно сказать, приобрела еще одного участника. К ней номинально подключился известный немецкий ученый-обществовед, исследователь исторических потрясений, выпавших на долю немцев и Германии в XX в., Генрих Август Винклер. Недавно вышла на русском языке одна из его фундаментальных работ: «Веймар 1918—1933: История первой немецкой демократии». В ней успешно применяются подходы как исторической, так и политической науки. В этом ее принципиальное отличие от традиционных работ историков¹.

Винклер — ведущий историк современной Германии, автор двухтомной монографии по немецкой истории XX в. с многозначным названием: «Долгий путь на Запад»², а также раздела по германской истории в справочнике МИД ФРГ «Германия. Факты»³. После воссоединения страны Винклер на протяжении многих лет (с 1991 по 2007 г.) был профессором Берлинского университета им. Гумбольдта. В разделившем немецкие общественные науки на два лагеря «споре историков» (а на самом деле всех обществоведов) о нацизме, начатом в 1986 г. Э.Нольте и Ю.Хабермасом⁴, Винклер принадлежит к сторонникам Хабермаса. Это в очередной раз подтвердили его резонансные выступления в печати в 2011 г., когда в связи с 25-летием этой полемики были вновь заостренно обозначены позиции обоих направлений.

В 1993 г. вышла его получившая немалый отклик в немецких общественных дискуссиях монография⁵, доступная теперь и русским читателям, где был поставлен важнейший для германской истории XX в. вопрос: почему был допущен приход Гитлера к власти? Книга, отсчет времени в которой начинается с краха «второй» Германской империи — Германского рейха 1871—1918 гг., — посвящена истории образовавшегося на ее развалинах первого немецкого демократического государства — Веймарской республики. В центре исследования находятся такие проблемы, как коридор возможностей, открывавшихся перед властными элитами, роль партий, поведение народных масс, альтернативы исторического развития.

Немногие главы немецкой истории вызывают столь бурные дискуссии, как 14 лет между Германской империей и Третьим рейхом, замечает

¹ За последние десятилетия в России вышло немало работ о Веймарской республике. За неимением возможности дать полный перечень назовем лишь некоторые: Биск (ред.) 1987; Биск 1990; Говоров 2013.

² Winkler 2000.

³ Винклер 2011.

⁴ Подробнее см. Любин 2005. Так как небольшой тираж этой работы давно распродан, можно обратиться к ее сокращенному электронному варианту: <http://alestep.narod.ru/lubin/totalitarianism.htm>.

⁵ Winkler 1993.

Винклер (с. 10). Веймарская республика стала грандиозной лабораторией классического модерна, эпохой культурного пробуждения, освобождения от пустых условностей, великим триумфом художественного и культурного авангарда, обращенного к миру. Однако с первой немецкой республикой связано и другое: попытки насильственного свержения власти, галопирующая инфляция, массовая безработица и политический радикализм, кризис и падение демократии, которая в глазах многих немцев с самого начала несла на себе печать национального позора, будучи детищем поражения Германии в Первой мировой войне.

То, что последовало за Веймаром, было столь ужасно, что падение первой немецкой республики правомерно рассматривать как *величайшую катастрофу XX в.*, считает автор (с. 10). Именно поэтому за любыми рассуждениями о Веймарской республике неизбежно стоит вопрос: как могли произойти события 1933 г.? Этот вопрос неразрывно связан с проблемой свободы выбора и альтернатив: насколько открытыми они были в то время? Ответ можно найти только максимально опираясь на источники, насколько это вообще возможно.

Вместе с тем постановка данного вопроса вынуждает автора сконцентрироваться на том, что наиболее существенно при ответе на него. По этой причине книга Винклера (на чем настаивает он сам) не должна рассматриваться как «всеобщая история» Веймарской республики. Она задумана не как энциклопедия, а как история определенной проблемы. На первом плане в ней находится *политика*.

Веймар — не только предыстория Третьего рейха, но и продолжение истории Германской империи. Они неотделимы друг от друга, но Веймар не растворяется в них. Помимо всего прочего, он был для немцев первым большим шансом научиться парламентской демократии и в этом смысле может трактоваться как предыстория «старой» ФРГ — второго периода обучения немцев демократии. Критическое отношение к Веймару было определяющим не только для немецкого государства со столицей в Бонне, но и для другого наследника Германского рейха — ГДР, хотя здесь оно носило совершенно иной характер. И лишь с объединением в 1990 г. Германия стала тем, чем раньше была исключительно Веймарская республика, точнее, чем она должна была стать по мысли ее отцов-основателей: демократическим немецким национальным государством.

Прочитав в первой главе социал-демократа Э.Бернштейна, доказывавшего, что Германия не готова к радикальному обновлению, поскольку она, с одной стороны, слишком развита индустриально, а с другой — слишком демократична, Винклер приводит и мнения других деятелей того периода. В том же духе, отмечает он, высказывался в 1920 г. и представитель правого крыла независимых социал-демократов Х.Штрёбель. «Диктатура советов и немедленная полная социализация были в Германии абсолютно исключены. Факт того, что крайне пролетарски настроенные левые вообразили себе, что смогут в точности повторить в Германии русский образец, был следствием губительного

непонимания экономических и политических возможностей стран. В аграрной России, где лишь десятая часть населения существовала за счет промышленности, даже долгосрочный паралич и разруха индустриального производства не смогли довести страну до катастрофы. Рабочие, лишившиеся своих мест, нашли убежище в деревне или в Красной армии. Между тем в Германии за счет промышленности и торговли живут две трети населения — и как они смогли бы существовать, куда могли бы податься эти 40 миллионов человек, если бы опрометчивая, непродуманная социализация производства привела в ступор всю индустриальную систему?» (с. 14—15). Иными словами, с точки зрения критически настроенных современников, то обстоятельство, что Германия принадлежала к высокоразвитым промышленным странам, с самого начала очерчивало границы революции. В то же время именно индустриализация стала предпосылкой для революции 1918—1919 гг. Характерное для Германской империи противоречие между прогрессивным состоянием общества и отсталой политической системой погрузило страну в продолжительный кризис задолго до 1914 г. Не будь этого противоречия, дело никогда не дошло бы до попытки революционного разрешения проблемы.

NB! Сравнивая русскую революцию октября 1917 г. и германскую революцию 1918—1919 гг., Х.Арендт отмечала (со ссылкой на высказывание главы Баварской советской республики 1919 г. Е.Левине): «Когда в 1919 г. германские коммунисты решили „поддержать только такую советскую республику, в которой советы имеют коммунистическое большинство“, они на самом деле поступили как заурядные политики. Столь велик был страх этих людей, даже самых радикальных, перед вещами, о которых они ранее не ведали, перед мыслями, которые они никогда раньше не думали, и перед институтами, ранее не востребованными»⁶.

⁶ *Арендт 2011: 359—360.*

В написанном специально для русского издания предисловии («Учиться на опыте Веймара») Винклер, сам того, возможно, не подозревая, включается в острую полемику, развернувшуюся в России на рубеже XX—XXI вв. Алармистские рассуждения многих обществоведов о постимперском синдроме и неизбежности скатывания страны к диктатуре получили большой резонанс. Все началось с намеренно резких высказываний публициста А.Янова, предрекавшего, что Россия вот-вот вступит в ту полосу развития, которая в Германии обозначала крах Веймарской республики и приход к власти нацистов⁷. Подобными утверждениями, подкреплявшимися наукообразными аргументами, по сути, был спровоцирован «спор» уже отечественных историков по поводу дальнейшего развития страны.

⁷ *См., в частности, Янов 1995.*

Звучали самые разнообразные точки зрения о ее настоящем и будущем: от обозначенной цитатой из Б.Пастернака «полной гибели всерьез»⁸ до успокоительных заявлений, что мы на правильном пути

⁸ *Пивоваров 2004.*

и черты авторитаризма, все более отчетливо проступавшие в новой России в начале XXI в., вполне сопоставимы с теми, что наблюдались в ходе становления демократий где-нибудь в Южной Корее, Сингапуре и т.п. Доказывалось, что, прежде чем Россия достигнет уровня складывавшихся несравнимо более долгое время западных демократий, ей сначала надо пройти через стадию консолидации.

Аналогичные дискуссии ведутся также в Италии и Германии, оказавшихся в первой половине XX в. под властью фашистского и нацистского режимов. Участвующие в этих дискуссиях политики и ученые отмечают, что в названных странах демократия развивалась не с «чистого листа» и после 1945 г. укрепились так, что нет никакой угрозы ее ликвидации⁹.

⁹ *Этой точки зрения придерживаются, в частности, бывший канцлер Германии Г.Шмидт (см. Европа 2002: 184—191) и итальянский историк и публицист С.Романо (см., напр. Romano 2002).*

Обратимся к мыслям, изложенным в предисловиях к русскому и немецкому изданиям, где во многом и содержатся главные выводы исследования Винклера. «Хотя 30 января 1933 г. — день, в который Адольф Гитлер был назначен канцлером, выступает финалом повествования, это еще не означает, что такой конец истории Веймарской республики был предопределен», — отмечает автор, подчеркивая, что «историк все время должен задавать себе вопрос, перед каким выбором стояли тогдашние актеры — и почему они поступили так, а не иначе» (с. 5).

Веймарской республике, констатирует он, так никогда и не удалось выйти из тени поражения Германии в Первой мировой войне, которому она была обязана своим возникновением. Когда в октябре 1918 г. Германская империя трансформировалась из конституционной монархии в парламентскую, это была ее последняя, но далеко не первая уступка идее демократии: «С момента образования империи в 1871 г. все ее взрослое мужское население при выборах депутатов рейхстага пользовалось всеобщим и равным избирательным правом. Подобным участием населения в политической жизни не могла тогда похвастаться даже такая „образцовая либеральная монархия“, как Великобритания». Но все же, корректирует свои похвалы Винклер, «до октября 1918 г. в Германии не было правительства, ответственного перед парламентом». И, переходя к Веймарской республике, замечает: «Запоздалая конституционная реформа должна была смягчить западные демократии, победившие в войне, по отношению к побежденной Германии. Это ожидание так и не оправдалось в том числе и потому, что Германия упорно отказывалась признать свою главную роль в развязывании Первой мировой войны» (с. 5).

Так вот в чем разница между Веймарской республикой и выстроенной на федеративной основе социальной демократией новой послевоенной ФРГ! Новая немецкая демократия столь безоговорочно осудила преступления нацистского режима и так истово старается привнести в сознание новых поколений чувство вины и покаяния, дабы не допустить повторения прежних ошибок, что нынешние немцы заслужили славу нации, безжалостно расправляющейся с негативными чертами собственной истории, а сам этот процесс получил наименование,

едва ли употребляемое где-либо еще, — «преодоление прошлого» (Vergangenheitsbewältigung)¹⁰.

¹⁰ См., напр. Борозняк 2004.

Историческое исследование Винклера, выполненное по всем канонам современной историографии, призвано дать ответы на звучащие в ходе развернувшейся по этому поводу полемики вопросы. Достаточно вспомнить, что в самое последнее время в немецкой историографии появились новые фундаментальные труды, посвященные веймарскому периоду германской истории. К ним относятся, в частности, «Веймарская республика: Опыт одной незавершенной демократии» директора немецкого Института современной истории профессора Х.Мёллера¹¹, чьи подходы, по сути, близки к подходам Винклера, и «Веймарская республика: Демократия между Лениным и Гитлером» Нольте¹², придерживающегося иных взглядов на проблему. Работа Винклера отличается от двух упомянутых тем, что ее автор опирается на максимально возможное число источников и в своих выводах учитывает заключения предшественников.

¹¹ Мёллер 2010.

¹² Nolte 2006. *Критика перманентной борьбы немцев со своим прошлым содержится в новой книге Нольте «Зрелые размышления о мировой гражданской войне XX в.» (Nolte 2011).*

Но вернемся к изложению мыслей автора, продолжая пересказывать их максимально близко к тексту.

Разновременная демократизация — раннее введение избирательного права, поздняя парламентаризация — наложила стойкий отпечаток на ход немецкой истории после 1918 г. Поскольку к концу Первой мировой войны Германия уже была частично демократической страной, в 1918—1919 гг. речь могла идти только о *большей* демократии: о предоставлении права голоса женщинам, о демократизации избирательного процесса в федеральных землях, округах, городах и общинах в целях полной реализации принципа парламентской ответственности. Именно по этой причине, по мнению Винклера, немецкая революция 1918—1919 гг. не принадлежит к числу «великих» («классических») (с. 6).

Политика радикального общественного переворота по типу того, что пережила Франция после 1789 г. или (иным образом) Россия после 1917 г., не была реальной и, тем более, ответственной альтернативой той политике, которую немецкая социал-демократия — ключевая политическая сила Германии — проводила с момента падения монархии в ноябре 1918 г. Без готовности к «классовому компромиссу» парламентская демократия Веймара вообще не могла бы существовать. Социал-демократы действовали так, чтобы уберечь Германию от всеобщего хаоса и кровавой гражданской войны. Подавляющее большинство немцев придерживалось того же мнения, что и влиятельные политики СДПГ Ф.Эберт и Ф.Шейдеман.

Несмотря на выраженную общественную поддержку политики компромисса, в ходе первых выборов в рейхстаг в июне 1920 г. три партии (СДПГ, католическая Партия Центра и леволиберальная Немецкая демократическая партия), которые в 1919 г. совместными усилиями добились принятия Веймарской конституции, утратили большинство в парламенте. С этого момента правительства большинства могли формироваться только при участии партий, по тем или иным причинам голосовавших против принятия конституции.

Не менее судьбоносным следствием поражения «веймарских партий» стала победа на первых прямых выборах рейхспрезидента весной 1925 г. бывшего кайзеровского генерала-фельдмаршала П. фон Гинденбурга. Тем самым было положено начало консервативной трансформации Веймарской республики. Спустя пять лет, в марте 1930 г., прекратило свое существование последнее правительство парламентского большинства — кабинет Большой коалиции, в который входили представители широкого спектра партий — от социал-демократов до Немецкой народной партии Г.Штреземана, представлявшей интересы предпринимателей.

Поражение парламентской демократии дало мощный импульс наиболее радикальным противникам Веймарской системы справа и слева, причем национал-социалистам даже в большей степени, чем коммунистам. С 1930 г. главным бенефициаром разновременности демократизации страны стал Гитлер. С одной стороны, он мог апеллировать к узаконенному еще во времена О. фон Бисмарка притязанию народа на участие в управлении государством через выборы, поскольку в полуавторитарной системе позднего Веймара всеобщее избирательное право все больше сводилось к фикции. С другой стороны, он использовал широко распространенную неприязнь к западной демократии как якобы «ненемецкой» форме государственного устройства, которую страны-победительницы навязали немцам в 1918 г., дабы воспрепятствовать их возрождению.

Гитлер пришел к власти не в результате триумфальной победы на выборах, но без электоральных успехов он никогда бы не стал рейхсканцлером¹³. В конце концов решающую роль в назначении лидера самой большой политической партии рейхсканцлером сыграло влияние «старых властных элит» во главе с крупнопоместным дворянством Остэльбии на дряхлого рейхспрезидента Гинденбурга. В качестве младшего партнера консерваторов Гитлер должен был обеспечить им поддержку «национально» настроенных масс и таким образом гарантировать их господство. Однако новый канцлер и не думал оправдывать возложенные на него ожидания, и его покровители вскоре оказались в положении обманутых обманщиков.

В январе 1933 г. закончилась не только история первой немецкой демократии: после прихода к власти национал-социалисты последовательно порвали и с гораздо более старыми традициями немецкого правового государства. Диктатура Гитлера знаменовала собой апогей отторжения немцами нормативного проекта Запада — идей Американской революции 1776 г. и Французской революции 1789 г.

Повторяя свои мысли, зафиксированные в упомянутой выше монографии «Долгий путь на Запад», Винклер отмечает, что в культурном плане Германия всегда была частью Запада (с. 8). Она принимала участие в средневековых процессах разделения властей (частичного разделения светской и духовной власти, а также власти князей и сословий), активно участвовала в великих эмансипационных процессах раннего

¹³ О массовой поддержке Гитлера см., в частности, Götz 2013.

Нового времени от Реформации до Просвещения. Но ее традиционные элиты не восприняли политических следствий Просвещения: идеи народного суверенитета, неотъемлемых прав человека и представительной демократии были чужды Германии до 1918 г. Когда же эти ценности наконец-то с опозданием утвердились, это произошло под знаком военной катастрофы, дискредитировавшей их в глазах многих немцев.

Чтобы начался процесс глубокого изменения взглядов, потребовалось еще более тяжелое поражение — крушение Третьего рейха в 1945 г. В западной части Германии, где оккупационные силы предоставили немцам возможность самостоятельно извлечь уроки из гибели Веймара, этот шанс был использован: в конституции ФРГ 1949 г. были преодолены все те уязвимости конституции 1919 г., которые невольно внесли свой вклад в крушение первой немецкой демократии, и так называемая «вечная оговорка» теперь защищала фундаментальные государственные нормы, включая основные права граждан и федеративный строй, даже от волеизъявления большинства.

События 1918—1933 гг. в Германии служат политическим уроком не только для немцев, отчетливо демонстрируя, что демократия — это нечто большее, нежели господство большинства. Во времена кризисов она может отстоять свои позиции, только если располагает действенными институтами, способными воспрепятствовать злоупотреблению властью, в том числе большинством граждан. Но прежде всего демократия требует наличия широкого и глубокого конституционного консенсуса, или, если использовать термин политолога и публициста Д. Штернберга, «конституционного патриотизма», то есть убеждения в том, что ключевые положения демократической конституции стоят того, чтобы их защищать. Там, где элиты и большинство населения не разделяют этого убеждения, даже самая демократическая конституция не в состоянии оказать свое позитивное воздействие. Тот, кто хочет научиться на опыте Веймара, должен это учитывать, подчеркивает Винклер (с. 7—9).

В 18-ти главах книги представлен детальный анализ истории Веймарской республики, всеобщей эйфории при ее создании в 1919 г., ее борьбы с противниками в первой половине 1920-х годов, дальнейшего постепенного угасания и быстрого заката в начале 1930-х годов. Особо рассмотрена роль Пруссии в данный период.

Подводя итоги своего исследования, автор констатирует, что 30 января 1933 г. стало одним из поворотных моментов в мировой истории. Приход Гитлера к власти знаменовал собой не только крушение первой немецкой республики. Одновременно Германия перестала быть тем, чем она была уже задолго до 1918 г., — правовым конституционным государством. Ему наследовала система бесправия, разрушительная политика которой с неумолимой внутренней логикой завершилась самоуничтожением. И поскольку немцам не удалось самим освободиться от господства Гитлера, его окончание означало также конец созданного Бисмарком национального немецкого государства (с. 731).

Вопрос о том, можно ли было избежать катастрофы, до сих пор занимает не только историков. Некоторые ответы на него давно превратились в политические мифы. Так, левые продолжают считать, что Веймар могло спасти единое рабочее движение. Однако противоречия между социал-демократами и коммунистами носили не тактический, а принципиальный характер. Коммунисты ориентировались на насильственный захват власти и гражданскую войну, тогда как неотъемлемой частью политического кредо социал-демократов было отвержение революционного насилия. Коммунисты видели свою задачу в свержении веймарской демократии и замене ее Советской Германией. Социал-демократы, в свою очередь, позиционировали себя в качестве партии, взявшей на себя ответственность за поддержание республиканской государственности. И чем меньше Веймар был их государством, тем больше усилий к его сохранению они прилагали.

В отличие от коммунистов, представлявших наиболее обездоленную часть рабочего класса, в том числе многолетних безработных, социал-демократы выступали от имени относительно высокооплачиваемых рабочих, имевших постоянную занятость. Им, вопреки знаменитому тезису К.Маркса и Ф.Энгельса, было что терять, кроме своих цепей. По этой причине СДПГ приходилось играть по существующим политическим правилам. Она была структурно неспособна на роль фундаментальной оппозиции слева, которую взяли на себя коммунисты.

Гитлер извлек выгоду из политики обеих «марксистских» партий. Риторика, облик и дела коммунистов вызывали у буржуазии социальный страх, и никто не сумел им воспользоваться лучше, чем национал-социалисты. Невольно сыграли им на руку и социал-демократы, поддерживавшие непопулярную политику Х.Брюнинга (что, по мнению Винклера, было не столько политической ошибкой, сколько выражением дилеммы, которую нельзя назвать иначе, чем трагической). Это позволило Гитлеру позиционировать свою партию как мощное оппозиционное движение справа от коммунистов и одновременно как альтернативу обеим разновидностям «марксизма» — и радикальной, и умеренной (с. 731—732).

Обращаясь к завершающей стадии кризиса республики и ее гибели, автор высказывает следующие соображения.

Веймарская конституция 1919 г. предоставила в распоряжение своих врагов инструмент вытеснения парламентаризма в виде статьи 48, наделяющей рейхспрезидента правом издавать внепарламентские законодательные акты. Задуманная как ответ на чрезвычайные ситуации, ставившие под угрозу общественную безопасность и порядок, эта статья уже при Эберте стала средством ускоренного законотворчества в условиях кризиса, а рейхспрезидент был возведен в ранг эрзац-законодателя. При Гинденбурге (начиная с лета 1930 г.) режим чрезвычайных постановлений превратился в хронический, и второй рейхспрезидент даже не помышлял о том, чтобы вернуться к нормальному законотворческому процессу. После сентябрьских выборов 1930 г., в ходе которых на сторону

национал-социалистов толпами переходили либеральные и консервативные избиратели, для такого возврата не было и парламентских предпосылок, а именно дееспособного парламентского большинства.

Весной 1932 г. приток избирателей к национал-социалистам достиг такого масштаба, что у Гитлера были хорошие шансы выйти победителем в борьбе за пост рейхспрезидента. Он наверняка достиг бы этой цели, если бы социал-демократы и Партия Центра не мобилизовали своих сторонников для переизбрания Гинденбурга. То обстоятельство, что своей второй легислатурой он обязан бывшим противникам, задевало пожилого рейхспрезидента. Раздражение у него вызывали и те уступки, на которые вынуждено было пойти правительство Брюнинга, дабы заручиться поддержкой социал-демократов на будущее.

Чтобы избавиться от зависимости от социал-демократов и наладить взаимодействие с национал-социалистами — плебейским, но все же «национальным», с точки зрения Гинденбурга, движением, — 30 мая 1932 г. канцлер Брюнинг был отправлен в отставку. Вскоре после этого его намного более правый преемник Ф. фон Папен, выполняя договоренности с Гитлером, распустил рейхстаг. Тем самым окружение Гинденбурга без какой-либо веской причины резко обострило государственный кризис. Обособление исполнительной власти вступило в новую стадию: если раньше президентский блок стремился заручиться поддержкой парламента, то теперь он открыто выступил против него.

Выборы 31 июля 1932 г. привели к образованию в рейхстаге «негативного» большинства двух тоталитарных партий — НСДАП и КПП. В этих условиях парламентское разрешение кризиса было возможно только в том случае, если бы НСДАП, лидировавшая с большим отрывом, заключила коалицию с Партией Центра и Баварской народной партией. Подобного рода «компромисс» устраивал обе католические партии, но Гитлер не был в нем заинтересован. Он хотел быть не ординарным канцлером коалиционного парламентского кабинета, а главой президентского кабинета, наделенным чрезвычайными полномочиями.

Но к этому не был готов Гинденбург. Он согласен был принять национал-социалистов как «младших» партнеров, но отнюдь не как носителей правительственной власти, играющих решающую роль. В резкой форме отклонив притязания Гитлера на пост рейхсканцлера, рейхспрезидент поддержал идею нового роспуска рейхстага, отсрочки очередных выборов на время, превышавшее установленные конституцией 60 дней, и объявления «надзаконного» чрезвычайного положения, с которой выступило «ядро правительства» в лице рейхсканцлера, министра иностранных дел и министра рейхсвера. Однако этот план нарушения конституции не получил одобрения большинства кабинета. В итоге выборы в рейхстаг, распущенный 12 сентября, были назначены на 6 ноября — максимально позднюю дату, допускавшуюся конституцией.

На ноябрьских выборах 1932 г., не устранивших «негативного» большинства НСДАП и КПП в рейхстаге, национал-социалисты понесли серьезные электоральные потери, в то время как коммунисты заметно

улучшили свои показатели. Именно такое сочетание ослабления собственных позиций и успеха крайне левых, как бы парадоксально это ни звучало, и обеспечило Гитлеру шанс прийти к власти. Страх перед дальнейшим усилением левых на фоне ослабления национал-социалистов побудил часть старых элит, в том числе ведущих предпринимателей в сфере тяжелой промышленности, сделать ставку на сделку между Гитлером и фон Папеном. Последний уже в ноябре 1932 г. склонялся к тому, чтобы уступить канцлерство Гитлеру («обрамив» его консервативными рамками), но затем, поддавшись Гинденбургу, стал выступать за введение чрезвычайного положения. Напротив, большинство кабинета к тому времени уже следовало линии министра рейхсвера К. фон Шлейхера, по мнению которого путь к выходу из кризиса заключался в том, чтобы обеспечить правительству широкий общественный фундамент — возможно, в форме «поперечного фронта», охватывавшего разнородные силы в диапазоне от профсоюзов до национал-социалистов. Не исключал он, впрочем, и таких мер, как перенос выборов и введение чрезвычайного положения, но только в том случае, если обращение к ним не повлечет за собой скатывания к гражданской войне.

Сменив 3 декабря 1932 г. фон Папена на посту рейхсканцлера, Шлейхер попытался претворить свою идею в жизнь. Ему удалось снять напряженность в отношениях с профсоюзами, но он оказался не в состоянии ни привлечь на свою сторону национал-социалистическое движение в целом, ни расколоть его. Не смог он предотвратить и разрыва с аграриями, которые начали открыто бороться за его свержение. Серьезную угрозу для Шлейхера представляли также действия его предшественника на посту рейхсканцлера, не оставлявшего надежды на воплощение в жизнь проекта «дуумвирата» фон Папен—Гитлер.

Когда 16 января 1933 г. кабинет обратился к Гинденбургу с просьбой о роспуске рейхстага и переносе новых выборов на осень 1933 г., для осуществления этого плана отсутствовала важнейшая предпосылка — решимость рейхспрезидента пойти по такому пути. В борьбе, развернувшейся вокруг Гинденбурга в январе 1933 г., победили те, кому доверял «старый господин». Шлейхер уже давно не относился к их числу, зато в круг доверенных лиц входили помещики — личные друзья рейхспрезидента, его сын Оскар, статс-секретарь О.Мейснер, а также фон Папен. Гинденбург по-прежнему с подозрением относился к «богемскому ефрейтору», но поскольку все, к чьему мнению он прислушивался, уверяли его, что Гитлер во главе преимущественно консервативного кабинета — гораздо менее опасный вариант выхода из кризиса, чем введение чрезвычайного положения, то он уступил (с. 743—745).

Так или иначе, но своими действиями в январе 1933 г. рейхспрезидент обострил кризис государственности. Особенно рьяно добивались свержения неугодного канцлера крупные аграрии, стремившиеся воспрепятствовать дальнейшему разбирательству по поводу злоупотребления государственными средствами, выделенными на поддержку обремененных долгами восточнопрусских имений, и умело воспользовавшиеся

обидой Гинденбурга на Шлейхера, не защитившего его от обвинений в потворствовании этим злоупотреблениям и налоговым манипуляциям с подаренным его семейству имением Нойдек.

В этом отношении причины передачи власти Гитлеру были, по определению Винклера, банальными. Но они являлись частью социальной истории Германии. Ни в каком другом высокоразвитом индустриальном обществе доиндустриальные элиты не обладали такой политической властью, как юнкерство в Веймарской республике.

Назначение Гитлера канцлером не было *необходимым* итогом предшествовавших этому назначению выборов. Но оно стало *возможным* потому, что в июле 1932 г. НСДАП превратилась в сильнейшую партию и, несмотря на потерю голосов, подтвердила этот статус в ноябре. Другими словами, Гитлер получил этот пост не только в результате интриг властных элит, но и благодаря массам, оказавшим ему свою поддержку (с. 746—747).

Выборы 31 июля 1932 г. не оставляли сомнений, что большинство немцев выступают против Веймара. Одними только заявлениями о неприкосновенности конституции преодолеть состояние конституционного паралича было нельзя. Чтобы отразить атаку противников конституции, нужно было отказаться от отдельных ее положений, и прежде всего от чисто деструктивного вотума недоверия. Но ни кабинеты фон Папена и Шлейхера, ни демократические партии не рассматривали такое «мягкое» нарушение конституции в качестве спасительного средства.

Когда правительство Шлейхера в январе 1933 г. высказалось за перенос выборов, речь шла уже не об авторитарной конституционной реформе, а о том, чтобы в отсутствие парламента дать импульс экономике и повести действенную борьбу с тоталитарными партиями. Перенос выборов в рейхстаг в *этом случае* должен оцениваться иначе, нежели аналогичные планы предшествовавшего правительства. Решение кабинета от 16 января 1933 г. могло открыть выход из государственного кризиса — разумеется, при условии, что оно было бы недвусмысленно поддержано рейхспрезидентом, а конституционные партии и профсоюзы отнеслись бы к нему по крайней мере терпимо.

После введения чрезвычайного положения кабинет Шлейхера стал бы, скорее всего, правительством скрытой военной диктатуры, а рейхсвер — истинным носителем исполнительной власти. Такой поворот событий был чреват массовыми протестами национал-социалистов и коммунистов. Вместе с тем можно было практически не опасаться того, что профсоюзы призовут к всеобщей забастовке против «социального генерала». Социал-демократы, католические партии и либеральная пресса возмущались бы переносом выборов в рейхстаг, но, конечно же, не агитировали за силовое решение проблемы. Вероятность гражданской войны в этих условиях была минимальной.

Фактическая военная диктатура, судя по всему, была последним средством спасения от диктатуры Гитлера. С избранием на высший го-

сударственный пост Гинденбурга исчезли гарантии того, что в случае необходимости рейхспрезидент покажет себя хранителем *духа* конституции. Парламентская демократия потерпела крушение, поскольку большая часть властных элит выступала против нее, а демократические партии уже не оказывали ей решительной поддержки. Последовавшая за этим радикализация была вынужденной реакцией на экономическую депрессию и обособление исполнительной власти. Зато передача власти Гитлеру не была вынужденной. Но чтобы предотвратить катастрофу, которая началась 30 января 1933 г., требовался устойчивый антиоталитарный консенсус между президентской властью и демократическим меньшинством парламента. Отсутствие такого консенсуса и открыло путь для Гитлера (с. 748—749).

Трансформация, которую претерпела Германия с 1918 по 1933 г., демонстрирует как параллели с эволюцией других европейских стран, так и бросающиеся в глаза отличия. После Первой мировой войны кризисы сотрясали парламентские системы многих государств. Критические ситуации, связанные с отсутствием парламентского большинства, и частые правительственные кризисы были свойственны и «старым» демократиям Западной и Северной Европы, но нигде они не привели к упразднению парламентской системы. Иначе обстояло дело в странах, расположенных в Средней, Южной и на востоке Северной Европы, из которых только двум — Чехословакии и Финляндии — удалось сохранить демократические порядки. Во всех остальных в межвоенный период утвердились правые авторитарные режимы. Образцом для новых авторитарных систем стала фашистская Италия, которая наглядно продемонстрировала, как неустойчивую демократию можно трансформировать в стабильную диктатуру — через радикальный национализм, культ фюрера, господство одной партии и подавление любой возможной оппозиции, прежде всего марксистских рабочих организаций.

Страны, где в период между двумя мировыми войнами была установлена правая диктатура, в подавляющем своем большинстве относились к числу аграрных. Даже в Италии индустриализирована была только северная часть. Германия оказалась единственной высокоразвитой промышленной державой, которая в ходе мирового кризиса утратила демократию, заменив ее тоталитарной правой диктатурой. Истоки такого поворота событий кроются в глубоком прошлом.

В ходе революции 1848 г. попытка буржуазного либерализма добиться одновременно и единства Германии, и свободы для ее граждан потерпела неудачу. Единство пришло в форме империи, основанной Бисмарком. Но ни о какой действительной свободе там не было и речи, поскольку рейхсканцлер и его статс-секретари не несли ответственности перед рейхстагом. Нерешенный вопрос свободы неизбежно должен был поэтому вновь встать на повестку дня.

Парламентскую демократию Веймара следует рассматривать как попытку разрешить главное противоречие кайзеровского рейха — между передовой экономикой и культурой, с одной стороны, и отсталой

политической системой, с другой. В процессе демократизации Германия должна была достигнуть уровня Западной Европы. Восстановление бюрократического авторитарного государства при Брюнинге означало провал модернизации. Уже к этому моменту стало понятно, что социал-демократы, в руках которых в 1918—1919 гг. неожиданно оказалась власть, как и либералы за столетие до них, не справились с поставленной ими же самими двойной задачей (в данном случае — воплощением в жизнь политической и социальной демократии).

При ретроспективном взгляде на проблему невольно напрашивается вопрос: а не сыграли ли здесь свою роль, наряду с субъективными факторами, и серьезные объективные вызовы, с которыми сталкивались свободолюбивые силы Германии? Успешные революции в Западной Европе свершались в национальных государствах, имевших многолетнюю историю. «Германия» же в 1848 г. состояла из множества государств, в том числе двух крупных — Пруссии и Австрии. Немецкий либерализм так никогда и не оправился полностью от поражения в этой революции. Последствия его сосуществования с авторитарным государством оказались долговечнее кайзеровского рейха. За спиной либеральных партий, в отличие от СДПГ и Партии Центра, отсутствовала крепко спаянная среда. Притягательность националистических лозунгов для некогда либеральных избирателей была столь велика, что с 1930 г. обе либеральные партии начали превращаться в мелкие группировки (с. 749—750).

В 1923 г. Гитлер получил убедительный урок и извлек из него необходимые выводы, главный из которых заключался в том, что нужно не бороться с государственной машиной, а поставить ее себе на службу. Поэтому он принес клятву на верность закону (которая ежедневно нарушалась его приверженцами). Поэтому он изображал из себя хранителя той конституции, которую собирался уничтожить. Гитлер создал самую большую в Германии армию для ведения гражданской войны и именно поэтому мог использовать в своих целях страх перед скатыванием в нее, что являлось его главным козырем. Коммунисты, открыто выступая за гражданскую войну, тем самым давали национал-социалистам возможность позиционировать себя в качестве защитников порядка, готовых вместе с полицией и рейхсвером отразить попытку насильственного переворота слева. Одновременно Гитлер мог угрожать гражданской войной правительству — в том случае, если оно пойдет на нарушение конституции, чтобы преградить ему путь к власти.

Давление со стороны Гитлера не воспринималось как политический скандал, хотя, без сомнения, было таковым. Полувоенное насилие справа и слева давно уже выхолостило монополию государства на применение силы и породило всеобщую апатию в отношении подобных эксцессов. И все же если коммунисты и национал-социалисты вели себя одинаково¹⁴, это было далеко не одно и то же. У переворота по советскому образцу было немного сторонников, и применение коммунистами силы едва ли могло встретить одобрение вне их собственных рядов. Зато воинствующий антикоммунизм национал-социалистов

¹⁴ *Впечатляющие свидетельства любовных столкновений пронацистски и прокоммунистически настроенных немцев в последние годы Веймарской республики приводятся в книге А. Петерсена, где представлена биография берлинского коммуниста Э. Йориса (см. Jöris, Petersen 2012).*

пользовался широкой поддержкой как в обществе, так и в государственном аппарате.

В то время как крайне левые призывали к насильственному изменению существовавших отношений, национал-социалисты выдавали себя за защитников и вместе с тем реформаторов унаследованного от прошлого общества. Новый политический порядок, который они проповедовали, должен был представлять собой не господство партий, как в Веймаре, и не авторитарный режим в консервативном духе. Это должно было быть государство фюрера, поддерживаемое народом и получившее плебисцитарную легитимацию. В этом заключалась относительная новизна национал-социалистического проекта, отличавшая его от подходов традиционных правых и ставшая залогом его превосходства. Свою «национальную революцию» Гитлер смог совершить именно потому, что он обещал удовлетворить как стремление к преемственности, так и потребность в радикальном обновлении (с. 754).

Впоследствии Веймар превратился в своеобразную политическую систему координат для обоих немецких государств, причем и ФРГ, и ГДР подчеркивали отсутствие преемственности: хотя у первой немецкой республики были и достижения, особенно в сферах социальной политики и образования, учиться у Веймара означало, как правило, делать иначе, чем делалось тогда.

До объединения в 1990 г. ГДР и ФРГ Веймар был единственным периодом в немецкой истории, когда Германия была одновременно и республикой, и национальным государством. С тех пор как «восточные договоры» сделали разделение Германии на два государства более терпимым, самосознание «старой» ФРГ во многом строилось на том, что она представляет собой «постнациональную демократию среди национальных государств»¹⁵. Но для вновь объединенной Германии эта формула К.Д.Брахера, одного из пионеров исследования Веймарской республики, уже не актуальна. Новая федеративная республика, будучи демократией, является пусть не классическим, пусть интегрированным в Европу и Североатлантический блок, но все же национальным государством.

Тем самым Веймар становится ближе к современности, и первая немецкая республика теперь выступает не только как предыстория Третьего рейха, но и как предтеча — и в негативном, и в позитивном плане — второй общенемецкой демократии. Однако, в отличие от Веймарской республики, новую ФРГ уже нельзя назвать неумелой демократией. У нее в багаже не только ученические годы Веймара, но и более успешный опыт Бонна. Обе эти главы в истории страны образуют тот фундамент, на котором продолжает строиться демократия объединенной Германии (с. 757–758).

* * *

Подводя итог, следует отметить, что труд Винклера представляет собой глубокое исследование важного этапа в германской истории XX в. — неудавшейся из-за многих внутренних дефектов демократии

¹⁵ См. Bracher 1955.

Веймарской республики. Намерение автора объяснить происходившее, показать на этом примере, как действия политиков могут довести дело до национальной катастрофы, успешно выполнено. Монография по праву может считаться одной из лучших работ на данную тему, и полученные Винклером результаты обязательно должны учитываться в дискуссиях о постимперском обществе и перспективах его демократизации.

Библиография

- Арендт** Х. 2011. *О революции*. — М.
- Биск** И.Я. (ред.) 1987. *Веймарская республика: история, источниковедение, историография*. Вып. 1. — Иваново.
- Биск** И.Я. 1990. *История повседневной жизни в Веймарской республике*. — Иваново.
- Борозняк** А.И. 2004. *Прошлое, которое не уходит: Очерки истории и историографии Германии XX в.* — М.
- Винклер** Х.А. 2011. Прощание с германским вопросом: ретроспективный взгляд на долгий путь на Запад // *Германия. Факты*. — Frankfurt a.M.
- Говоров** О.Э. 2013. *Германская историография идеологии «консервативной революции» как феномена интеллектуальной истории Веймарской республики*. Дисс. на соискание уч. степени д.и.н. — Кемерово.
- Европа**: Смена вех? 2002 // *Актуальные проблемы Европы*. № 1.
- Любин** В.П. 2005. *Преодоление прошлого: споры о тоталитаризме*. — М.
- Мёллер** Х. 2010. *Веймарская республика: Опыт одной незавершенной демократии*. — М.
- Пивоваров** Ю.С. 2004. *Полная гибель всерьез: Избранные работы*. — М.
- Янов** А.Л. 1995. *После Ельцина: «Веймарская» Россия*. — М.
- Bracher** K.D. 1955. *Die Auflösung der Weimarer Republik. Eine Studie zum Problem des Machtverfalls in der Demokratie*. — Stuttgart.
- Götz** A. 2013. *Die Belasteten. Euthanasie, 1939—1945: Eine Gesellschaftsgeschichte*. — Frankfurt a.M.
- Jöris** E., Petersen A. 2012. *Deine Schnauze wird dir in Sibirien zufrieren: Ein Jahrhundertdiktat*. — Wiesbaden.
- Nolte** E. 2006. *Die Weimarer Republik — Demokratie zwischen Lenin und Hitler*. — München.
- Nolte** E. 2011. *Späte Reflexionen über Weltbürgerkrieg des 20. Jahrhunderts*. — Wien, Leipzig.
- Romano** S. 2002. *Memorie di un conservatore*. — Milano.
- Winkler** H.A. 1993. *Weimar 1918—1933: Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie*. — München.
- Winkler** H.A. 2000. *Der lange Weg nach Westen*. Bd. 1—2. — München.